

«ЗОЛОТАЯ МАСКА»

Экран и сцена - 2002 - апр (19-10) - с. 16.

Дмитрий ЛОХОВ:

«Люблю живую куклу»

Архангельский театр кукол участвует в фестивале «Золотая Маска» не в первый раз. В 1995 году «Вертеп» в постановке Дмитрия Лохова был признан лучшим кукольным спектаклем. На этот раз в программе «Маски» — «Машенька» и медведь. Номинации — «лучший спектакль, лучшая работа режиссера, лучшая работа художника». («ЭС» о «Машеньке» писала дважды). Дмитрий Лохов руководит театром около двадцати лет, а работает в нем все тридцать. Он поставил десятки спектаклей, побывал с ними на многих отечественных и международных фестивалях, он — автор идеи знаменитой «Улитки» — фестиваля камерных спектаклей театров кукол. Каждый, кто хоть раз побывал в его театре, вряд ли сможет забыть его неповторимую, творческую атмосферу, отношение к зрителям. Чтобы посещение спектакля стало праздником, здесь советуют «приходить нарядными, со сменной обувью, без жевательной резинки, быть внимательными, соблюдать правила игры. Взрослые должны помнить, что на них смотрят дети и быть им примером во всем». В театре существует педагогическая часть, а при ней уже 17 лет заседает «ТОЛК» (Театральное Общество Любителей Кукол), в нем выросло несколько поколений архангелогородцев.

— Вы считаете в детском театре обязательно должна быть педчасть? Педагог необходим?

— Смотря какой педагог. Если плохой, то лучше не надо. Но такой как у нас — Марина Владимировна Мельницкая — большая ценность. Мы в шутку называем ее нашим психологом. Она работает не только с детьми и родителями. В театре постоянно возникают какие-то сложные ситуации и по всем вопросам мы обращаемся к ней.

— Спектакль «Машенька и медведь» поставлен по пьесе Марины Мельницкой, к слову сказать, очень остроумной, написанной хорошим современным языком.

— Да, Марина Владимировна и пьесы пишет. Она же основала «ТОЛК» (Тайное Общество Любителей Кукол, как мы его называем), семейный клуб, для членов клуба билеты в театр по льготным ценам. Дети приходят с родителями, важно, чтобы во время спектакля они чувствовали друг друга. Она придумывает темы. Например: «Снеговик», «Кавалеры и дамы». Дети сами делают кукол. А мы потом вешаем их на «Чудо-дерево» в фойе, или делаем для них специальные витрины. Кроме ТОЛКА, был придуман ТЮК (Театр юного кукольника). Мой сын туда ходил. Дети играли для зрителей «Алладина», «Белоснежку», «Муми-тролля». Потом многие ребята из ТЮКа стали актерами, и не только нашего театра.

— Вы были одним из первых в профессиональном театре, кто взялся делать вертепные спектакли. Хотя есть мнение, что профессионалам лучше не браться за сакральные тексты. Тайнство возникает скорее у любителей.

— Я знаю эту точку зрения, но внутренне спорю с ней. Я такую логику выстраивал. В старину вертепщики, ходившие по домам со своими ящичками, хотели, чтобы это было красиво, но у них не было возможностей. Я же делаю «Вертеп» в театре, у меня есть аппаратура, прожектор, фильтры. Актерам я говорил: это не фольклор, а игра в те старинные формы, как мы их чувствуем на основании того, что мы читали.

— Когда вы брались за эти формы, они, по сути, еще недавно были под запретом.

— Сначала мы хотели попробовать сыграть «вертеп» к Рождеству (его как праздник тогда не отмечали), для узкого круга. Сделали «этажерку», как мы ее называли. Конструкция напоминала то, что было у Виктора Новацкого, у любителей. Потихонечку все стало разрастаться, стало театральным. Благодаря нашему художнику Елене Николаевой, у нее свой стиль. Она не может сделать примитив. Я ее понимаю. Я требую искренности и от актеров, и от художника. Вот был такой момент в «Царе Ироде». К Ироду приводят Рахиль с младенцем, она просит пощадить младенца. Художник сделала куклу деревянную, и этот младенец на репетициях постоянно скатывался с рук Рахили и раздавался

стук. Я как режиссер противился этому стуку и просил художника: «сделай тряпичную куклу-младенца». Она отвечала: «Не могу. Если все куклы деревянные, если мать деревянная, то и ребенок должен быть деревянным». Важно не только профессиональное мастерство, но и наши ощущения.

— Но вторая часть «Вертепа», помнится, не была, как «Царь Ирод», каноническим текстом.

— В «Царе Ироде» мы добавляли тексты из Евангелия. Вторая часть должна содержать комические моменты. А настоящие фольклорные тексты нам показались несмешными. Мы взяли русскую сказку «Солдат, черт и смерть» и стали ее делать, не имея пьесы. Начали читать несколько сказок, импровизировать, еще не имея кукол.

— Я отлично помню этот спектакль. Было ощущение, что он выстроен как импровизация.

— Это наш принцип работы. Сначала идет придумывание. В этом участвуют художник, композитор, завлит. Такой «фольклорный театр». Все импровизируют, потом все это записывается, обрабатывается, текст снова дается актерам, он снова выверяется, чтобы текст стал органичным, живым. И куклы должны были быть деревянными, как в первой части.

— Самым живым в спектакле был Вертепщик — Михаил Логинов.

— Да, он постоянный участник сценарной группы, у него филологическое образование, он легко пишет. Он делает свои программы в Литературно-театральной гостиной. О Марине Мельницкой я уже говорил, она тоже член сценарной группы.

— «Вертеп» и сегодня в репертуаре?

— Да. И интересно, что на Рождество половина зрителей — постоянная публика, те же, что смотрели «Вертеп» в прошлом и позапрошлом году. Мы играем его в основном для взрослых, вечером, после трех елок.

— Театр и фольклор, как эти стихии соединяются в ваших работах?

— Во многом, они взаимоисключают друг друга. Фольклор — это все-таки прошедшее время, рассказ о прошлом. Театр же — сиюминутен, в театре происходит оживление того, что происходит сегодня, здесь, сейчас. Я глубоко в фольклор не зарываюсь, особенно в то, что связано с обрядами. Конечно, я многое читал, изучал историю вопроса, многое я узнал от Анны Федоровны Некрыловой, мы часто общались. Мне ближе городской фольклор, ведь сам я городской человек, я из Архангельска. В фольклоре, в сказке я ищу театр. Из-за дефицита драматургии мы часто обращаемся к таким формам, где есть некий повествователь, рассказчик. Для кукольного театра это достаточно традиционно, например, для восточного театра, где есть рассказчик, музыкант, а куклы только двигаются в пантомиме.

— Мне нравится ваша модель театра, разнообразие жанров, работа со зрителем. Жаль только что ваша «Улитка», о которой столько восторженно писали, не стала постоянным, традиционным фестивалем.

— Все упирается в деньги. Сейчас речь идет о реконструкции театра, проект одобрен губернатором, найден спонсор.

— Сколько человек у вас в труппе?

— Двадцать, считая учащуюся молодежь. Вот Машеньку в «Машеньке и медведе» играет студентка Мария Корнеева. Группа учится в Ярославле и существует как студия со своим названием «DUR» (Мажор). Они показывают «Думающие руки» и «Страусиное шоу». Не знаю как сложится их жизнь. Зарплаты мизерные.

— Вы не из тех худруков кто сдерживает инициативу «масс»?

— Я уже упоминал о «Литературно-театральной гостиной». К нам приходят известные в городе музыканты, поэты. Они тоже участвуют в спектаклях. Звучит живая музыка. Это поиски на стыке литературы и театра. Инициативу, порыв нельзя сдерживать.

— В вашем репертуаре есть и кабаретные спектакли. В одной из программ «Russian Case» было ваше «Маленькое шоу для больших людей».

— К сожалению, поскольку я — художественный руководитель, у меня остается очень мало времени на чисто творческие дела, размышления. Нужны были деньги. Нам предложили поучаствовать в церемонии открытия первой частной артгалереи. Надо было что-то придумать. Тут как раз приехала из Ярославля наша молодежь, и они все время с этими «думающими руками» ходили, хотели сделать спектакль. Мы взяли старую идею и сделали это шоу. Сначала несколько номеров. Делали шуты, на раз, чтобы денежку заработать. Потом стало жалко, что спектакль пропадает. Мы придумали вторую часть для детей «Маленькие фантазии на сказочные темы» с использованием «пальчиков».

— Эту программу вы показывали за рубежом?

— Мы показывали шоу в Париже в Русском центре, там нас смотрели критики, театроведы. С этим спектаклем мы были в Авиньоне в 97-м. Вместе с Габриадзе. В тот год туда поехали «Масочники». Они были приглашены. А мы были тоже приглашены, но по другим каналам, участвовали в Офф-программе. Играли целый месяц. Продюсеры в нас вцепились и хотели, чтобы мы привезли «Вертеп». Но мы считали, что языковой барьер непроходим, что без текста все пропадет. На фестивале «Невский Пьеро» мы играли спектакль, и там было много иностранцев, но больше было русских. Я видел как иностранцы хохотали, они не все понимали, но заражались от русских зрителей. А «Шоу» каталось по Европе. Михаил Логинов вел его и на немецком, и на английском, и на французском, на любом языке. Французы говорили: «Это хорошо, но это ретро». Я сам понимаю прекрасно, что они правы. Это не «Песня о Волге». Когда мы в Рязань возили «Шоу», Майя Краснополянская и Илья Эпельбаум (из московского театра «Тень», мы с ними дружим) посмотрели и сказали: «Ничего нового».

— Я слышала, что сейчас вы ставите «Хамлета». Это будет что-то новое?

— Думаю, что да. Надеюсь, что так будет.

— А что это будет по жанру?

— Это кукольный трагифарс.

— Вы используете текст Шекспира?

— Нет, там будут только цитаты. Хамлет, датский принц учит, пытается прочесть монолог «Быть, или не быть». Темы лабораторий И.П.Уваровой — «балаган», «мистификация» — там будут присутствовать. Особенно тема мистификации. Куклы уверены в том, что они люди, что они живые. Сюжет достаточно интересный. Для актеров, это очень сложная работа. Мой любимый момент — анимация. Я люблю живую куклу, кукловодство — для меня ругательство. Но подробно рассказывать о «Хамлете» не буду, это секрет фирмы.

Беседовала
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

• Дмитрий Лохов в Авиньоне